

1-бөлім	1 раздел	Section 1
Философия	Философия	Philosophy

УДК 130.2

Б.Г. Нуржанов

Факультет философии и политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: beketnur@rambler.ru

Это неуловимое понятие глобализации. К анализу определений глобализации

Статья подготовлена по материалам выполненных работ в рамках проектов грантового финансирования научных исследований Министерства образования и науки РК на 2012-2014 гг. ГФ № 0620 «Толерантность и солидарность как основы межкультурной коммуникации в контексте модернизации казахстанского общества» и ГФ № 1577 «Модернизация духовно-нравственных ценностей в условиях глобализации»

В статье рассматриваются определения глобализации, данные различными представителями теории глобализации. В качестве примера приведены некоторые классификации определений, данные различными представителями. Дан критический анализ некоторых из них. Автор предлагает свою собственную классификацию определений: экономические, технологические, политологические и культурологические. Автор отдает предпочтение культурологическим определениям глобализации, рассмотренным более подробно. Наиболее характерные черты глобализации проявляются в культурной сфере. Автор видит их как: сложная связность современного мира и ее осознание людьми, медиатизация и быстрый рост массовых коммуникаций, трансформации пространства и времени (их сжатие, появление пространства потоков), детерриториализация или «отрыв от места».

Ключевые слова: глобализация, экономика, культура, пространство, время, массовая коммуникация, детерриториализация, пространство потоков.

B.G. Nurzhanov

That shifting concept of globalization. To the analysis of definitions of globalization

The article considers definitions of globalization given by different representatives of the theory of globalization. Different classifications of definitions are exemplified as presented by investigators. The critical analysis of some of them is given. The author proposes his own classification as follows: economical, technological, political, cultural. Preference is given to the cultural definitions of globalization which are considered in more details. The most characteristic traits of globalization are earmarked as seen in cultural approach. The author sees them as: complex connectivity of contemporary world and its awareness by peoples, mediatization and rapid growth of mass communications, transformations of time and space (their compression, the appearance of the space of floods), deterritorialization or “disembedding”.

Keywords: globalization, economics, culture, space, time, mass communication, deterritorialization, space of floods

Б.Г. Нұржанов

Анықталуы қиын жаһандану ұғымы. Жаһандану ұғымын анықтаудың сараптамасы

Мақалада жаһандану анықтамасы және жаһандану теориясының әртүрлі көзқарастары қарастырылады. Мысал ретінде кейбір өкілдердің анықтамаларының топтамасы келтіріледі. Оларға сыни сараптама жасалған. Автор жаһандану ұғымына берген өзінің анықтамалар топтамасын: экономикалық, технологиялық, саясаттанулық және мәдениеттанулық түрін ұсынады. Автор жаһандануды мәдениеттанулық тұрғыда қарастыру анықтаманы тереңірек ашатындығын ерекше атап өтеді, себебі жаһанданудың айрықша ерекшеліктері мәдени салада көрініс береді.

Атор оларды қазіргі әлемнің күрделі байланыстары және оларды адамдардың түсініп қабылдауы, медиатизация және бұқаралық коммуникацияның жедел өсуі, уақыт пен кеңістіктің трансформациясы (олардың нығыздалуы, кеңістіктердің толқындарының пайда болуы), аймақтардың алшақтауы немесе «тамырдан үзілу» ретінде көреді.

Түйін сөздер: жаһандану, экономика, мәдениет, кеңістік, уақыт, бұқаралық коммуникация, аймаққа бөлу, кеңістік ағысы.

О глобализации сегодня говорят почти все. Написаны тысячи работ на эту тему, рассматривающих ее с самых различных позиций и подходов. Согласно каталогу библиотеки конгресса США к 2004 г. было опубликовано более 4000 книг на эту тему. В Google'е на мой запрос о «глобализации» вышла ссылка на 46.800.000 сайтов. И пока нет никаких симптомов того, что интерес к глобализации как-то ослабевает. И вместе с тем, понятие глобализации остается туманным, неопределенным и ускользающим как только мы сталкиваемся с необходимостью его точного определения. Неспециалисты, как правило, ссылаются на несуществующий «общеизвестный» смысл, специалисты же ломают копья в дискуссиях о сути, ядре или эмбрионе глобализации, предлагая широкий веер самых различных определений и интерпретаций. Возникает парадокс: с одной стороны это слово стало одним из самых часто употребляемых и важных в нашем сегодняшнем понимании мира, с другой – оно остается столь же неопределенным как и в момент его появления.

С определением глобализации мы оказываемся в ситуации постмодерна – ситуации

сверхизбытка информации, когда возможность обзора и учета всех публикаций о глобализации принципиально исключена. Тем не менее, сложился достаточно ограниченный круг авторитетных работ, на которые чаще других ссылаются исследователи. Одна из первых проблем, с которой сталкивается исследователь глобализации – классификация существующих подходов и определений глобализации. Когда таких определений сотни, то первое, что стремится сделать исследователь – рассортировать многообразие определений по возможно ограниченному количеству рубрик, объединяющих сходные определения. Понятно, что основой такой классификации может быть что угодно.

Так, Дэвид Хелд и его коллеги выделяют «три школы, представителей которых мы назвали гиперглобалистами, скептиками и трансформистами. Каждая из этих школ, пытаясь понять и объяснить глобализацию, дает собственную оценку этому социальному феномену» [1]. Рассматривая подробнее аргументы этих школ, и выдвигая свои возражения на них, они приводят итоговую таблицу разногласий между ними, которая выглядит следующим образом:

Таблица 1 – Три концептуальных подхода к глобализации

	Гиперглобалисты	Скептики	Трансформисты
<i>Что нового?</i>	Глобальный век	Торговые блоки, более слабое, чем ранее, правление	Исторически беспрецедентные уровни глобальной зависимости
<i>Доминирующие черты</i>	Глобальный капитализм, глобальное правительство, глобальное гражданское общество	Мир, менее взаимозависимый, чем в 90-е гг. XIX в.	«Глубокая» (интенсивная и экстенсивная) глобализация
<i>Власть национальных правительств</i>	Снижается или разрушается	Усиливается	Перестраивается
<i>Движущие силы глобализации</i>	Капитализм и технология	Государства и рынки	Комбинированные силы современности
<i>Модели стратификации</i>	Разрушение старых иерархий	Увеличение маргинализации Юга	Новая структура мирового порядка

Продложение таблицы 1

<i>Доминирующий мотив</i>	Макдональдс, Мадонна и т. д.	Национальный интерес	Трансформация политического сообщества
<i>Концептуальное осмысление глобализации</i>	Как переделывание схемы человеческого действия	Как интернационализация и регионализация	Как переделывание меж-областных отношений и действий на расстоянии
<i>Исторический путь развития</i>	Глобальная цивилизация	Региональные блоки/ конфликт цивилизаций	Неопределенно: глобальная интеграция и фрагментация
Итоговый аргумент	Конец национального государства	Интернационализация зависит от государственного согласия и поддержки	Глобализация трансформирует государственную власть и мировую политику.

Шамси эль-Оджейли и Патрик Хейден со ссылкой на Кочрейна и Пейна также выделяют три позиции в определении глобализации: глобалисты, традиционалисты и трансформационалисты. «Глобалисты утверждают, что глобализация это жизненный и неизбежный современный социальный процесс. Национальные экономики, политика и культура все больше становятся частью сетей глобальных потоков, и перспектив избежать их мало. Глобалисты могут быть либо оптимистами, либо пессимистами в своих прочтениях глобализации» [2]. Традиционалисты скептически относятся к идее глобализации, либо рассматривая ее как очередной миф, либо лишь как модное, но бессодержательное словечко. Часть из них считает, что глобализация отнюдь не новое явление, что она возникла давно или даже всегда сопровождала человеческую деятельность. Чаще всего они отстаивают жизненность нации-государства, которому угрожает глобализация. Трансформационалисты занимают промежуточную позицию между первыми и вторыми, с одной стороны утверждая, что между предшествующим и глобализирующимся обществом нет никакого разрыва, скачка, с другой – что глобальные трансформации все же существенно изменяют современное общество.

Некоторые исследователи предлагают классифицировать определения по другим трем рубрикам: журналистские, политические и научные, с тем, чтобы отсеять первые две как поверхностные и дилетантские и рассматривать только академические определения. Есть и другие классификации. Но это, так сказать, самые общие классификации, от которых трудно ждать глубокого определения глобализации.

Мы бы выделили тоже несколько «крупных»

групп определений. Первую группу определений можно было бы назвать «журналистской» или публицисткой; к ней же можно отнести и многочисленные высказывания публичных политиков. Эти определения с легкостью можно оставить без внимания как поверхностные и непрофессиональные. Глобализация понимается здесь в самых общих (уже набивших оскомину), почти ничего не значащих терминах, без попытки уловить ее суть, причины, механизмы, структурные элементы. К этой же группе, наверное, можно отнести и понимание глобализации как мифа, как вида нового идеологического дискурса, созданного группой интеллектуалов с целью убедить нас в объективности и неизбежности глобализации, хотя на самом деле, как считается здесь, это лишь теоретический и идеологический конструкт. Но глобализация это не концепт(ы) в голове теоретика, а процесс, протекающий в «объективном» мире, и исследования требует он, а не теории глобализации тех или иных авторов.

Есть еще одна группа ученых, позицию которых можно было бы считать близкой теории глобализации как мифа. Ее можно назвать теорией «ничего нового». Они считают, что современная «свистопляска» вокруг глобализации сильно преувеличена, что глобализация это старое и банальное явление, что за новым термином скрываются давно известные процессы экспансии человеческой деятельности. Крайней формой этой позиции является утверждение, что глобализация изначально присуща человеческому обществу, что ее причиной и ядром является человеческая деятельность как таковая, которая «по своей природе» стремится к экспансии во все больших масштабах. Поэтому сегодняшняя глобализация это никакой не новый и невиданный феномен, а

лишь этап в развитии этой тенденции. «Глобализация, - пишет А. Ахиезер, - часто воспринимается как новый неизвестный ранее процесс. Однако при этом невозможно игнорировать, что механизм глобализации как функция человеческой деятельности, существовал с момента возникновения человека... Глобализация – одна из форм обобщающего, интегрирующего процесса, организуемого человеком, которая стремится в понятийной и организационной формах обобщить растущее многообразие. Глобализацию можно рассматривать как форму освоения реальности, возникающую как реакция на ее дифференциацию, как попытку нейтрализовать опасности и проблемы усложнения через интеграцию. Глобализация представляет собой лишь один из аспектов человеческой деятельности» [3].

Самую большую группу определений глобализации составляют «экономические» определения, т.е. определения, которые видят суть этого процесса прежде всего, или даже исключительно, в экономических процессах. Но и в рамках этого подхода определения и понимания глобализации разнятся достаточно существенно: одни видят ее истоки в производственной сфере, другие в торговой, третьи в потребительской, четвертые в финансовой, пятые в природе самого капитализма как свободного рынка и т.д. Для представителей этой группы определений экономическая сфера общества остается «базисом», а все другие проявления глобализации – «надстройкой» или следствием экономической. Без учета экономической составляющей (основной причины глобализации, как считается здесь) невозможно понять политическую, социальную, культурную, экологическую и т.д. глобализацию. К этой группе определений можно отнести и «технологические» определения, видящие суть глобализации в технологическом прогрессе, тесно связанном с экономическими процессами.

Вторую группу определений составляют «исторические» определения глобализации, уводящие ее истоки в более или менее отдаленное прошлое: периоды создания мировых империй, таких, как некоторые древневосточные, империя Александра Македонского, римская и др.; или возникновение мировых религий типа буддизма, христианства, ислама.

Третью группу составляют «политические» определения глобализации, видящие ее суть в политических процессах. К ним относят чаще всего процессы формирования наций-государств

и новой (модерновой) политической организации общества, политическую экспансию Европы и создание мировой колониальной системы, создание нового мирового порядка через организацию системы международного сообщества с международным правом, политическими и этическими нормами, международными политическими институтами.

Четвертую группу составляют «культурологические» определения, усматривающие ее суть в формировании тех или иных культурных институтов (средства массовой коммуникации, возникновение новой системы образования, науки и знания, трансформации пространства и времени, урбанизм, возникновение нового «глобалистского» сознания или рефлексивности и т.д.) Мы считаем эту группу определений и соответствующих им теорий наиболее убедительной, продуктивной и глубокой, не только учитывающей все многообразные аспекты глобализации, но и предлагающей новую постмодернистскую методологию исследования этих сложных процессов.

Постмодернистская методология показала свою продуктивность в анализе феноменов постиндустриального или информационного общества, таких как модернизм, политики идентичности, различие как основание культуры, пространственно-временные трансформации мира, нация-государство как новый политический порядок, феминизм и гендерные отношения, медиа как культурный институт, наконец, глобализация и ее сложные процессы. Сегодня постмодернистские подходы к этим явлениям пользуются гораздо большей популярностью и интересом у читателей, чем классические. «В терминах нарратива нашего Введения, – пишут Д. Келлнер и М.Г. Дурхам, – постсовременный поворот в культуре и обществе соотносился бы с зарождающейся стадией глобального капитализма, характеризующегося новыми мультимедиа, захватывающей компьютерной и информационной технологией, и пролиферацией новых форм политики, общества, культуры и повседневной жизни» [4]. Британский социолог Б.С. Тэрнер прямо связывает постмодернизацию с глобализацией: «...суть моей аргументации состоит в том, чтобы привлечь внимание к особой роли глобализации в социальном производстве постмодернити... Я имею в виду..., что глобализация является одной из социальных причин постмодернизации культуры» [5].

Мне лично нравится следующее определение: Глобализация – «относительно новое слово, которое обычно используется для описания неравномерно протекающего процесса во всемирном масштабе. Оно описывает идею, что мир становится единым глобальным рынком. Оно описывает идею, что время и пространство сжались под влиянием современных телекоммуникационных технологий, допускающих почти мгновенную коммуникацию между людьми в масштабе всей планеты. Оно описывает идею, что культуры смешиваются и переплетаются, где культурные образы и ценности из доминантных Северных культур приняты на Юге, и в то же время усиливаются уникальные этнические различия и формируются локальные идентичности. Оно описывает ту идею, что планета в целом, а не отдельные континенты или ландшафты, рассматривается как «наш дом», и что некоторые виды человеческой деятельности могут оказывать негативное воздействие на людей и окружающую среду... или оказывать негативное влияние на планету в целом. (ЮНЕСКО)» [6].

Более конкретный анализ определений глобализации можно также провести по тому, что исследователи считают основной характерной чертой глобализации. Начнем опять с поверхностного определения, которое мы выше условно назвали «журналистским». Здесь основная черта и тенденция глобализации понимается как унификация мира и нивелирование различий (экономических, политических, культурных, национальных и этнических, языковых и т.д.) В таком виде глобализация интерпретируется как основная и самая страшная угроза современной цивилизации. Часто она отождествляется с вестернизацией, американизацией (кока-коланизацией, макдональдизацией), засильем западной массовой культуры, обесцениванием «общечеловеческих» ценностей, бездуховностью и даже секуляризацией или дерелигиозностью. Как я отмечал выше, этот подход не заслуживает серьезного внимания и критики.

Мы уже писали выше, что количественно наибольшую группу теоретиков глобализации составляют экономисты. Некоторые из них основную черту глобализации видят в совокупности нескольких экономических факторов, действующих одновременно («интернационализация производства, новое международное разделение труда, новые миграционные движения с Юга на Север, новое конкурентное окружение,

которое ускоряет эти процессы и интернационализацию государства», как пишет Р. Кокс [8]). Другие выделяют из них какой-то один, главный фактор. Таким фактором может выступать некий «обобщенный» фактор – капитализм, рынок, хозяйственная деятельность, труд; либо более «конкретные» факторы – торговля, финансы, производство, технологии. Из этих факторов здесь наиболее часто выделяются два: торговля или формирование мирового (глобального) рынка, и финансы, особенно в браке с современными информационно-коммуникационными технологиями. При этом первый ряд аналитиков склонен уводить начала глобализации в более или менее отдаленное прошлое – от глубокой древности с ее зачатками торговых обменов до среднего средневековья с появлением там новых европейских городов и резкой активизацией торговых отношений. Наиболее ярким примером ранней глобализации здесь считается Великий шелковый путь. Второй ряд аналитиков связывают появление глобализации с последней третью XX в., с отделением финансового сектора от производственного и новыми «высокими технологиями».

Критики этого подхода (чаще всего это «культурологи») считают его односторонним и неоправданно монокаузальным. Ульрих Бек называет его «глобализмом», характеризуя его как то, «что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслится к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации – экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, – если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка» [9] (выделено мной *Б.Н.*)

Политологи и эксперты в области международных отношений видят причину и основную характерную черту глобализации в политических процессах, также разных, как и у экономистов. У одних это окончание холодной войны, распад Советского Союза или победа США над СССР в этой войне, у других это процессы транснационализации и создание нового мирового порядка, у третьих – появление новых глобальных политико-экономических институ-

тов (ООН, МВФ, Всемирный банк, ВТО, ТНК, спортивных организаций типа МОК, ФИФА и т.д.), к которым все больше переходит реальная политическая власть. В теории международных отношений глобализация часто отождествляется с интернационализацией. Недостатком этого подхода является преувеличение политического фактора в процессах глобализации или редукция ее сложных процессов к политическим. При этом политологи часто солидаризируются с экономистами, признавая важную роль экономических факторов или переплетая в один узел политические и экономические факторы. Но как и экономисты, они недооценивают или недопонимают роль культурных факторов и процессов.

Однако нельзя не отметить и плодотворность в рамках данного подхода тех политологов, которые усматривают суть глобализации в феноменах транснационализации и видят основной конфликт глобализации в столкновении национального (национально-государственного) с транснациональным. Правда, национальное государство при этом надо понимать не просто как новый политический феномен модернити, а как основную форму его нового политического мирового порядка или социальной организации общества. Глобализация как транснационализация на место старого мирового порядка ставит новый мировой беспорядок, в том смысле, что глобализационные процессы и институты не поддаются политическому или иному контролю со стороны национальных государств или иных социальных институтов, являются непредсказуемыми, рискованными и потенциально взрывоопасными. «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение», пишет Ульрих Бек [1].

Более серьезного внимания заслуживают, на наш взгляд, характеристики глобализации, выделяемые некоторыми социологами и, условно говоря, «культурологами» (поскольку здесь речь идет в основном о социокультурных факторах глобализации). Наиболее ярко этот подход выражен в работе Джона Томлинсона «Глобализация и культура»: «Глобализация лежит в самом сердце современной культуры; культурные практики лежат в самом сердце глобализации... это не значит, что глобализация является единственной детерминантой современного культурного опыта, или что только культура является концептуальным ключом, который способен раскрыть

внутреннюю динамику глобализации. Поэтому это не значит, что политика или экономика глобализации уступает культурному подходу, обладающему концептуальным превосходством. Но это значит, что большие трансформационные процессы нашего времени, которые описывает глобализация, не могут быть правильно поняты, пока они не схвачены посредством концептуального словаря культуры; а также, что эти трансформации изменяют саму ткань культурного опыта, и в самом деле влияют на наше чувство того, чем фактически является культура в современном мире» [11].

Наиболее характерную черту глобализации Томлинсон видит в том, что он называет «сложной связностью» (complex connectivity) современного мира. На первый взгляд, это достаточно банальная и общая черта, которую признают почти все теоретики глобализации. Однако при ближайшем рассмотрении она оказывается не столь уж банальной. Так, связность отнюдь не предполагает унификацию мира и нивелирование различий, в чем видят суть глобализации некоторые аналитики. Напротив, смысл этой связности изменяется, когда мы признаем сохранение различий (культурных, политических, географических и иных). Связность выступает как фатальная неизбежность, несмотря на наши отчаянные попытки сохранить свою уникальность, различия. Эта связность говорит нам, что несмотря на привязанность к конкретной территории, месту проживания многое в нашей жизни зависит уже не от этого места, а от мест, весьма отдаленных в пространстве и времени, что Энтони Гидденс называет «пространственно-временной дистанциацией». События и процессы, происходящие в этих отдаленных местах, влияют на нашу работу, семейные отношения, социальные связи, наш опыт, нашу идентичность, наши судьбы, на всю нашу жизнь. Эта связность говорит о том, что далеко не все подчинено человеческому (государственному или социальному) контролю, и что все больше протекающих в мире процессов ускользает от нашего контроля. И это связность не просто чего угодно с чем угодно, а связность именно в масштабе всей планеты. Глобализация это планетарная связность явлений. Пока остаются пусть даже небольшие уголки планеты, не втянутые в планетарную связность, глобализация, если можно говорить о ней в этих условиях, будет оставаться лишь западным феноменом.

Один из мэтров теории глобализации Рональд

Робертсон добавляет, что глобализация это не только универсальная связанность мира, но и осознание этой связанности. Это осознание отсутствует до эпохи великих географических открытий или даже, по мнению некоторых, до второй половины XIX в. Такое сознание глобальной связанности не может возникнуть без идеи шарообразности земли, т.е. понимания мира как земного шара. Сам термин «глобализация» происходит от латинского *globus* – шар (*globus terrae* – земной шар). Пока мир понимался как плоскость, его границы были неопределенны и недостижимы. Люди могли лишь фантазировать насчет того, где кончается мир (если вообще кончается), и что начинается за «концом мира».

Одной из наиболее глубоких и интересных позиций в рамках культурного подхода является позиция, связывающая суть глобализации с трансформациями пространства и времени. Именно эти трансформации в первую очередь, по мнению ее представителей, порождают эффекты, имеющие глобальный характер, ведут к прогрессирующей глобализации. Приведем для иллюстрации определение Гидденса: «Глобализация как я ее понимаю... это не только, и даже не столько, экономическая взаимозависимость, но и трансформация времени и пространства в наших жизнях» [2].

Но необходимо отметить, что эта позиция связана с «социокультурным», нефизикалистским пониманием пространства и времени. Пространство и время понимаются здесь не как «объективные параметры мира», а как социально и культурно конструируемые способы упорядочения мира, всякий раз разные в разных исторических и социокультурных условиях. Глобализация начинается здесь с модерновой трансформации времени и пространства при переходе от средневековья к Возрождению. Но это не единственная трансформация, время и пространство трансформировались в эпоху модерна несколько раз, вызывая мировые глобальные кризисы, самым сильным из которых стала Первая мировая война. Последняя трансформация, произошедшая где-то на рубеже 1960-70-х гг., и породила то, что называют современной (иногда – подлинной) глобализацией, породив также ситуацию постмодерна в культуре. Эта позиция наиболее ярко выражается в идее «сжатия» пространства и времени, предложенной и проанализированной Дэвидом Харви [13]. Именно в результате такого сжатия пространство перестает играть сколько-

нибудь значительную роль, «аннигилируется» временем или трансформируется в место, локус, что и является наиболее характерной чертой глобализации.

Сторонниками этого подход являются Ж. Лакан, М. Фуко, А. Лефевр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Э. Гидденс, З. Бауман, Ф. Джеймисон, Э.У. Соха, М. Кастеллс, Д. Харви, А. Аппадурай и многие их последователи. Предшественниками его можно считать И. Канта, М. Хайдеггера, А. Бергсона и некоторых других философов модерности. Конечно, представители этой позиции не сводят глобализацию только к этим трансформациям. Напомним, что вместо монокаузального подхода они используют постмодернистскую методологию констеллятивных связей, где каждый фактор испытывает влияние других и одновременно сам оказывает влияние на них. И все же, пространственно-временные трансформации являются наиболее глубоким и влиятельным фактором глобализации.

Близкой к этой и конкретизирующей ее является позиция, видящая суть глобализации в детерриториализации (Томлинсон), супратерриториализации (Шолте) или «отрыве от места» (*disembedding* – Гидденс). Здесь полагается, что в связи с развитием массовых коммуникаций и технологий и трансформациями пространства территория перестает быть организующим центром целого ряда социальных институтов – от государства до идентичности. «В конце концов, пространство является одним из главных измерений социальных отношений. География стоит в одном ряду с культурой, экологией, экономией, политикой и психологией как сущностная детерминанта социальной жизни. Пространственные контуры общества оказывают огромное влияние на природу производства, управление, идентичность и общежитие в этом обществе – и наоборот... Если характер карты общества меняется, то ее культура, экология, экономика, политика и социальная психология также склонны к сдвигу» [14]. Это ведет, по мнению многих, к кризису нации-государства или концу эпохи, в которой национально-государственная территориальность и суверенитет были стержнем социально-политической организации общества.

В рамках культурологического подхода можно выделить еще одну важную позицию, выраженную Мануэлем Кастеллсом, Арджуном Аппадуром, Энтони Макгру, Найджелом Трифтом и некоторыми другими. Они считают, что транс-

формация, происходящая с пространством в ходе глобализации, заключается также в том, что пространство из стабильного «контейнера содержания» превращается в «пространство потоков», т.е. из неподвижного, пассивного и консервативного элемента упорядочения мира превращается в динамичный, подвижный, генеративный элемент. «Модель потоков» восходит к идеям Делеза/Гваттари и Лиотара, которые, правда, писали не о глобализации как таковой, а о современной фазе капитализма как движении «разжижения» (liquidation), «жидкого потока».

К. Баркер, Дж. Клиффорд, Х. Бхабба и др. делают из этого вывод, что мы вообще должны пересмотреть понятие культуры в условиях глобализации. «Процесс глобализации предполагает, что мы должны переосмыслить наше понятие культуры. Культуру правильнее понимать не в терминах локусов и корней, а скорее как гибридные и креолизованные дороги в глобальном пространстве» [15]. Метафоры места, локуса, территории в понимании культуры мы должны заменить метафорами потоков, путешествий, передвижений и смешений, пишет Дж. Клиффорд. В процессе таких глобальных потоков-движений происходит смешение, гибридизация культур, где географическое место этих культур перестает играть решающую роль. Это приводит к радикальному изменению способов индентификации людей, в том числе и национальных идентичностей.

Наиболее ярко эту позицию выразил Аппадуррай. Новое пространство глобализации это пространство не стабильных территорий, а потоков – людей, идей, финансов, технологий, ресурсов и т.д. «Комплексный характер нынешней глобальной экономики имеет дело с определенными фундаментальными разрывами между экономикой, культурой и государствами... Я предполагаю, что исходным форматом для исследования таких разрывов является взгляд на отношения между пятью измерениями глобальных культурных потоков, названных (а) этноландшафтами, (в) медиаландшафтами, (с) техноландшафтами, (d) финансоландшафтами и (е) идеоландшафтами» [16]. Близкую к этой мысль высказывает Кастеллс: «Наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки являются не просто одним из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической

и символической жизни... Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [17].

Именно новое пространство потоков делает границы между государствами легко проходимыми, прозрачными и условными, делая мир глобально взаимозависимым. Именно в этом многие аналитики видят основную угрозу национально-государственному принципу мироустройства со стороны глобализации. Выше мы отмечали, что некоторые теоретики видят в этом суть глобализации. Сторонники культурологического подхода отмечают также, что вследствие усилившейся транспарентности границ и движений различных потоков помимо экономических ТНК и политических интернациональных организаций формируются транснациональные сообщества, основанные уже не на национальных чувствах и принципах, а на иных принципах – религии (но не столько на традиционных религиях, сколько на новых), соседства, общности политических, этических, культурных интересов (от Гринпис до растафарианизма и поп музыки), знании (многочисленные научные сообщества), стиле жизни, возрастных интересах и т.д. Одни из них укоренены в местных политических, культурных и иных традициях, другие формируют международные сети интересов, через такие формы как регулярные фестивали и праздники, интернет, социальные сети. Новые информационные и коммуникационные технологии лишь поддерживают и усиливают эти тенденции.

Таким образом, проведенный анализ основных определений глобализации позволяет нам сделать несколько выводов. Первое: многообразие определений глобализации говорит не о невозможности или надуманности теорий глобализации, и не о научно-методологическом бессилии ее исследователей, а прежде всего о сложности и многонаправленности процессов глобализации, о необходимости дальнейшего исследования этого феномена, особенно его последствий для современного общества.

Второе: только постмодернистская методология позволяет выразить всю сложность этих процессов. Монокаузальная, монологическая, иерархическая (базисно-надстроечная) методология уже не может быть ни преваляющей,

ни эвристичной. Попытка выделить какой-то ведущий, главенствующий фактор глобализации, следствием которого являлись бы все остальные, ведет к игнорированию или недооценке других факторов. Ни чисто экономический, ни чисто политический, ни чисто культурный, ни любой другой монистический подход не может ухватить всей сложности процессов глобализации, лишь в совокупности и сочетании этих подходов можно надеяться на степень понимания, адекватный сложности ее процессов.

Третье: тем не менее, степень глубины анализа глобализации не одинакова в этих различных подходах. Наиболее глубоким из них, на наш взгляд, является «культурологический». В своих лучших проявлениях он учитывает и экономический, и политический, и медийный, и экологи-

ческий, и другие аспекты, тогда как все они (за редким исключением) страдают игнорированием или принижением значения культурного аспекта глобализации. Некоторые важные аспекты культурологического подхода (трансформации пространства и времени, их «сжатие», детерриториализация, социокультурное значение медиакоммуникаций, соотношение глобализации с модернити, капитализмом, постмодернити и др.) не являются предметом исследования других подходов. В рамках постмодернистской методологии можно говорить о большей или меньшей степени влияния того или иного фактора (например, экономики) на процессы глобализации, но никак не о его «господствующем положении» в этих процессах.

Литература

- 1 Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. – М.: Праксис, 2004. – С. 2.
- 2 El-Ojeili, Ch., Hayden, P. *Critical Theories of Globalization*. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 14.
- 3 Ахизер А. Глобализация России и человечества // Глобализация и локальная культура. – М.: РГГУ, 2002. – С. 30.
- 4 Durham, M.G., Kellner, D., eds. *Media and Cultural Studies. Key Works*. – Oxford, Blackwell Publishing, 2006. – P. XXXIV.
- 5 Цит. По: Beynon, J., Dunkerly, D., eds. *Globalization: The Reader*. – New York, Routledge, 2000. – P. 110.
- 6 Al-Rodhan, N.R.F., Stoudmann, G. *Definitions of Globalization: A Comprehensive Overview and a Proposed Definition*. Geneva Centre for Security Policy, June 19, 2006, p. 19.
- 7 Цит. по: Шумилов М.М. Концептуальные основы глобализации // *Credo new*. – 2005. – № 1.
- 8 Cox, R. *Multilateralism and the Democratization of World Order*. // Baylis, J., Smith, S., eds. *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations*. – New York: Oxford University Press, 1999. – P. 15.
- 9 Бек У. Что такое глобализация. Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 23.
- 10 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 14.
- 11 Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. – Chicago, The University of Chicago Press, 1999. – P. 1.
- 12 Giddens, A. *The Third Way, The Renewal of Democracy*. – Cambridge, Polity Press, 1998. – Pp. 30-31.
- 13 Harvey, D. *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. – Cambridge, Blackwell, 1991.
- 14 Scholte, J.A. *Globalization. A Critical Introduction*. – London: Macmillan Press, 2000. – P. 46.
- 15 Barker, Ch. *Cultural Studies. Theory and Practice*. – London, SAGE Publications, 2006. – P. 41.
- 16 Appadurai, A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // Durham, M.G., Kellner, D. M., eds. *Media and Cultural Studies. KeyWorks*. – Oxford, Blackwell Publishing, 2006. – P. 588-589.
- 17 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

References

- 1 Held, D., Goldblatt, D., McGrue, A., Perraton, D. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. – Moscow, Praxis, 2004, p. 2.
- 2 El-Ojeili, Ch., Hayden, P. *Critical Theories of Globalization*. – New York, Palgrave Macmillan, 2006, p. 14.
- 3 Akhieser, A. *Globalizatsia Rossii i chelovechestva*. // *Globalizatsia i lokalnaya kultura*. – M., RGGU, 2002, p. 30.
- 4 Durham, M.G., Kellner, D., eds. *Media and Cultural Studies. Key Works*. – Oxford, Blackwell Publishing, 2006, p. XXXIV.

- 5 In: Beynon, J., Dunkerly, D., eds. *Globalization: The Reader*. –New York, Routledge, 2000, p. 110.
- 6 Al-Rodhan, N.R.F., Stoudmann, G. *Definitions of Globalization: A Comprehensive Overview and a Proposed Definition*. Geneva Centre for Security Policy, June 19, 2006, p. 19.
- 7 Cit. in: Shumilov, M.M. *Konzeptualnye osnovy globalizatsii*. // *Credo new*, 2005, № 1.
- 8 Cox, R. *Multilateralism and the Democratization of World Order*. // Baylis, J., Smith, S., eds. *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations*. New York: Oxford University Press, 1999, p. 15.
- 9 Beck, U. *Chto takoye globalizatsiya*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, p. 23.
- 10 Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu moddenu*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, p. 14.
- 11 Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. –Chicago, The University of Chicago Press, 1999, p. 1.
- 12 Giddens, A. *The Third Way, The Renewal of Democracy*. –Cambridge, Polity Press, 1998, pp. 30-31.
- 13 See: Harvey, D. *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. –Cambridge, Blackwell, 1991.
- 14 Scholte, J.A. *Globalization. A Critical Introduction*. –London: Macmillan Press, 2000, p. 46.
- 15 Barker, Ch. *Cultural Studies. Theory and Practice*. –London, SAGE Publications, 2006, p. 41.
- 16 Appadurai, A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy*. // Durham, M.G., Kellner, D. M., eds. *Media and Cultural Studies. KeyWorks*. Oxford, Blackwell Publishing, 2006, p. 588-589.
- 17 Castells, M. *Informatsionnaya epokha: economica, obshtchestvo i kultura*. Moscow, 2000.